

ЛЕНСКИЕ ЗОЛОТЫЕ ПРИИСКИ

Апрельский расстрел 1912 года поставил Ленские прииски в центр внимания всей России. Петербургская биржа откликнулась резким падением ленских акций, бывших до того «излюбленной» спекулятивной бумагой биржевых дельцов Петербурга и Лондона. Пролетариат ответил на массовый расстрел рабочих стачками протеста и могучим революционным подъемом.

Что же представляли собой эти далекие сибирские прииски, откуда и до 1912 года и после него, вплоть до Великой пролетарской революции, золото звонкой струей лилось в карманы петербургских баронов и английских лордов, отставных министров и банковских воротил; какими путями и методами заставляли рабочих разрабатывать недра в холодной тайге и добывать тысячи пудов чистого золота для господ акционеров; как жили и боролись рабочие на Ленских золотых приисках?

* * *

Золото на Лене было открыто около ста лет тому назад, в районе притоков Лены — Олекмы и Витима. В этих местах не было никакого оседлого населения. Здесь жили только якуты — охотники и скотоводы, — да тунгусы со стадами оленей перекочевывали с одной горной речки на другую. С давних времен иркутские купцы вели торговлю с кочевыми якутами и тунгусами, меняя хлеб, овощи и другие товары на меха. Для торгового лета устраивали в разных местах небольшие ярмарки. На одной из таких ярмарок иркутский купец Трапезников увидел в руках тунгуса золотой самородок. Тунгус не знал, для чего и как употребляется золото. Самородок нравился ему просто как блестящий диковинный предмет. Но Трапезников прекрасно знал цену и значение золота и сразу заинтересовался заманчивой находкой. Он нанял тунгуса-проводника и послал доверенного исследовать местность, где был поднят самородок. Золото было найдено, и

тогда «золотая лихорадка» охватила богатое иркутское купечество. Трапезников, Базилевский, Герасимов, Баснин, Катышевцев и другие купцы организовали десятки небольших поисковых партий, которые разбрелись по суровой безлюдной приленской тайге. Руководствуясь всякого рода «приметами», с помощью тунгусов и якутов поисковые партии очень скоро нашли богатое золото на Хомолхо, Ныгри, Малом Патоме и других речках.

Трудно было добыть золото из недр земли. Новый золотопромышленный район был дик и пустынен, удален от сколько-нибудь удобных путей сообщения. Глухая, таежная тропа была большей частью единственным путем, связывавшим прииск с судоходной рекой или жилым местом. Короткое лето, суровая зима, безлюдье, отсутствие какой бы то ни было земледельческой культуры, необходимость привозить за тысячи верст продовольствие — вот те условия, в которых создавалась золото-промышленность в Олекминско-витимском крае.

Золото на Лене было в россыпях, оно залегалось иногда довольно близко к поверхности земли, а иногда на очень большой глубине. В том и другом случае, чтобы добраться до драгоценного металла, нужно было произвести огромные земляные работы: сделать разрез, т. е. снять всю пустую, не содержащую золота породу, или прорыть глубокие шахты. Откуда было взять в этой глуши сотни рабочих, которые при помощи самых простых орудий — кайлы и лопаты — могли бы выкопать миллионы пудов песков, добыть золото и промыть его на несложных промывальных приборах — вальгерде и бутаре?

Первыми рабочими на приисках были якуты и тунгусы. Но привыкших к кочевой жизни охотников и скотоводов невозможно было быстро приспособить к тяжелым земляным работам, к упорному повседневному труду. Выработка тунгусов и якутов была мала, они скоро заболевали и большей частью разбегались.

Но в Сибири нашлась другая категория людей, которых золотопромышленники сумели поставить в положение каменных и крепостных и неограниченно эксплуатировать. Это были каторжане и ссыльнопоселенцы.

Бесправие и порабощение этих рабочих были беспредельны. Ссыльнопоселенец не мог свободно распоряжаться даже своим грошовым заработком. При выдаче паспорта из полагавшегося ссыльнопоселенцу в счет заработной платы задатка вычитывался годовой оклад податей. При увольнении же ссыльнопоселенца из остатков его заработной платы удерживались и отсылались по месту приписки числившиеся за ним недоимки. В результате рабочий уходил с пустыми руками, а часто даже оказывался «в долгу» у золотопромышленника и вынужден был оставаться на приисках, чтобы отработать свой долг. Зная, как тяжела работа

на приисках и как ничтожна получаемая оплата, ссыльнопоселенцы пытались избавиться от работы на золотых промыслах. Единственным средством для этого был побег, так как оставить работу по своему желанию ссыльнопоселенец не мог.

Чтобы помешать поселенцу бежать, на помощь хозяину приходил весь аппарат местной полицейской власти. «Не явившиеся на прииск рабочие, а также бежавшие с промыслов насильно препровождаются местным сельским полицейским начальством к золотопромышленникам для выполнения своих по найму обязанностей» *. А водворив этих закабаленных рабочих на прииски, с ними жестоко расправлялись — сажали под арест, секли розгами и т. п.

Немногие рабочие, приходившие на прииски по своей воле, попадали в те же условия, что и их «каторжные» товарищи. Их так же эксплуатировали, так же сажали под арест и наказывали розгами за малейшую провинность. Нанявшись на золотые прииски, рабочие должны были пройти пешком по глухой таежной дороге огромное расстояние от сборного пункта до места работы, делая по 25 верст ежедневно. «Причем на каждые сутки получать нам по три фунта ржаных сухарей и кроме сего ничего более не требовать», обязывались рабочие.

Рабочий лишался элементарнейшего права жить со своей семьей. Взять с собой жену и детей рабочий мог лишь с особого разрешения приискового управления, а такое разрешение давалось очень редко.

Женщины, которым разрешалось приехать на прииски, попадали в полную зависимость от промысловой администрации и подвергались самой жестокой эксплуатации. Они обязаны были выполнять всю черную домашнюю работу в рабочих казармах, обязаны были пить и стирать на рабочих, живших без жен.

Под страхом выселения с приисков женщины обязаны были исполнять решительно все, что требовала от них администрация. Это порабощение женщины достигло своего апогея накануне ленского расстрела, при «белозеровском режиме», когда издевательство над женами и дочерьми рабочих приняло самые варварские формы.

Рабочие по произволу администрации должны были работать неограниченное время.

В договоре, который золотопромышленное товарищество заключало с рабочими, было такое обязательство: «Состоя на промыслах, во всякое время года начинать нам работу с пяти часов утра и оканчивать в восемь часов пополудни... В случае же экстренных работ, не терпящих отлагательств, несмотря

* Цитаты без ссылок здесь и ниже взяты из настоящего сборника.

ня на какое время... должны мы работать, сколько потребует необходимость со всевозможною скоростью и усердием».

За свою работу приисковые рабочие получали ничтожную заработную плату. «Пока мы будем находиться в работе, то выдачу нам денег и отпуск разных товарных вещей предоставляем в усмотрение управления, сколько когда оно сочтет возможным», говорится в 13-м пункте договора. А в 11-м пункте рабочие обязуются «самовольно никуда не отлучаться, но быть в повиновении, не грубить, не упрямствовать».

Заставляя рабочих подписывать кабальный договор, золотопромышленники, со своей стороны, не брали на себя никаких обязательств. Уже следование нанятых рабочих на прииск было обставлено исключительными трудностями. Рабочие должны были делать ежедневные 25-верстные переходы в условиях таежного бездорожья, питаться ржанými сухарями «и кроме сего ничего не требовать». За промедление в пути рабочие обязывались отработать соответствующее количество дней.

По договору никто из рабочих не имел права требовать увольнения до окончания срока найма, зато промысловое управление было вправе уволить рабочих «во всякое время, как всех, так и каждого порознь, или передать другому золотопромышленнику». И прав был автор статьи «Причины приисковых беспорядков», писавший в «Восточном обозрении»: «Стоит познаться с контрактами, заключаемыми с приисковыми рабочими, чтобы понять, что положение рабочего на приисках вполне кабально, что, подписавшись под контрактом, он продает золотопромышленнику и душу и тело».

«Правила о найме рабочих на Сибирские золотые промыслы», изданные в 1870 году, всецело признавали и поддерживали кабальные отношения, существовавшие на приисках. А чтобы держать рабочих в страхе и подчинении, были учреждены так называемые «партионные расправы», состоявшие из назначенного хозяином старосты и двух выборных. «Означенной расправе, — говорится в пункте 11-м правил, — предоставляется подвергать рабочих по словесному приговору, за маловажные проступки денежным взысканиям до трех рублей или аресту до семи дней, или наказаниям до двадцати ударов». Не довольствуясь «правилами» 1870 года, золотопромышленники Олекминского округа добивались того, чтобы не только полиция, но и приисковой администрации было предоставлено право подвергать рабочих «аресту в карцерах на время от 3 до 5 дней. При этом дозволить арестовать как поселенцев, так и крестьян и мещан». За более важные проступки наказывал рабочих урядник и другие чины приисковой полиции, самым усердным образом служившие золотопромышленникам. Главный представитель местной полиции — горный исправник — и все прочие

полицейские власти были на содержании у золотопромышленников, получали от них во много раз больше денег, чем от казны. Все полицейские чиновники в сущности были приказчиками золотопромышленников и всемерно старались обеспечить сохранение «порядка» на приисках, покорность и повиновение рабочих.

Но «порядок» на приисках часто нарушался, рабочие то и дело выходили из повиновения и поднимали «бунты», наводя страх и трепет на начальство. Волнения на Лене начались очень рано, вспыхивали легко и быстро. Присковая обстановка вызывала эти волнения. Эта же обстановка придавала им особый своеобразный характер. Тяжелая, изнурительная работа, жестокое и грубое обращение служащих, полиции и «охранявших» прииски казаков держали рабочих в состоянии постоянного напряжения. И иной раз достаточно было самого незначительного повода, чтобы вспыхнул стихийный грозный протест и возмущение. Темные малосознательные рабочие не знали, «...отчего именно их положение так безнадежно и к чему они должны стремиться»*. Но перед ними был прямой и непосредственный враг — присковая администрация и казаки. На них-то с величайшей силой обрушивались гнев и ярость рабочих. Полиция, как всегда и везде в России, старалась схватить вожakov и «зачинщиков» волнений, и в этих случаях сопротивление массы достигало крайней остроты. В 1873 году на одном из присков Ленского товарищества был арестован такой «зачинщик» и отведен в казачью, где было помещение для арестованных. «Масса рабочих, узнав об этом, нахлынула в казачью в намерении освободить взятого и избить казаков». Нападение рабочих было до того сильно, что казаки в страхе разбежались и попрятались, кто куда мог. Только хитростью и обманом удалось успокоить рабочих.

С присков Ленского товарищества волнения перекинулись на другие прииски. На золотых промыслах Пермикина рабочие осаждали дом управляющего до трех часов ночи. В Малопатомском товариществе управляющий так испугался рабочего бунта, что хотел немедленно уехать с присков. С трудом уговорили его остаться.

Арест товарища почти всегда вызывал бунт, иногда вспыхивавший и мгновенно потухавший, а иногда длительный и упорный. Очень характерны волнения, происходившие в 1876 году на Благовещенском приiske Прибрежно-витимской компании Базанова и Серебрякова. В 1874 году промысловое управление «для наблюдения за порядком» кроме казаков организовало еще команды из поселенцев-черкесов. Черкесы страшно раздражали

* Ленин, т. II, стр. 573.

и озлобляли рабочих, но до поры, до времени на приисках было тихо. Наконец наступил день, когда возмущение рабочих прорвалось. Поводом опять-таки послужил арест рабочего, Якова Непомнящего, на этот раз не за участие в волнениях, а за то, что он отправился к спиртоносам за спиртом.

Спиртоносами в тайге называли торговцев, приносивших спирт на прииски. Продажа спирта, как и вся вообще торговля на приисках, была исключительно в руках промыслового управления. Частная торговля не разрешалась. Рабочий получал от управления в счет заработной платы все предметы питания по определенной норме. Спирт также выдавался по норме — $\frac{1}{100}$, а для некоторых категорий $\frac{2}{100}$ ведра в день. Больше спирта достать на приисках нельзя было. Между тем работа в мокрых шахтах и в открытых разрезах при морозе в 40 градусов вызывала потребность в спирте. Спирт же был единственным средством забыться, и рабочие готовы были добыть его любой ценой. На этой почве и вырос своеобразный тип спиртоноса.

Спиртоносами часто становились бежавшие с приисков рабочие, которые массами бродили по тайге, не имея никакой работы. Спиртом торговали также беглые каторжники, ссыльнопоселенцы, якуты, умевшие даже без тропинки найти дорогу в тайге, и всякого рода люди, не боявшиеся риска и опасностей. Торговля спиртом была очень выгодна, но и опасна. Казаки и полиция расставляли вокруг приисков кордоны, а часто отправлялись в самую тайгу ловить спиртоносов, которые обыкновенно были вооружены лучше полиции. Хорошо организованная партия спиртоносов запасалась лучшими берданками, револьверами и кинжалами. Временами спиртоносы наводили такую панику, что «ни служащие, ни подрядчики не решались ездить даже днем, не говоря уже о ночном времени». Они внушали страх также и казакам. Встретив большую партию спиртоносов, казаки прятались или обращались в бегство. Но если спиртоносов было мало или они были плохо вооружены, их ожидала жестокая расправа. Их прежде всего избивали до полусмерти, сажали под арест и потом уже предавали суду.

Арест товарища за то, что он хотел купить спирт, вывел рабочих из терпения. Узнав об аресте Якова Непомнящего, рабочие собрались у казачьей Благовещенского прииска и стали требовать его освобождения. Затем рабочие в 10 часов вечера пришли на «главный стан», где жили горный исправник и приисковая администрация, и потребовали, чтобы с приисков были убраны черкесы и сменен становой Сюзев. Один из хозяев, Немчинов, находившийся в это время на прииске, спрятался от рабочих. Черкесы разбежались. Перепуганная администрация уступила: черкесов убрали и сменили Сюзева. После этого рабочие приступили к работе.

У полиции не хватало сил для расправы с рабочими в разгар волнений. Но когда наступало «успокоение», присылали на подмогу солдат, и начиналось следствие. Волнения на Благовещенском прииске были расследованы капитаном Грамотиным, который был прислан из Иркутска и привез с собой 80 солдат. Грамотин издевался над рабочими, заковывал их в ручные и ножные кандалы, затем отослал нескольких «зачинщиков» в Якутский тюремный замок.

Но самые жестокие наказания не могли запугать рабочих. В течение 70-х и 80-х годов стихийные волнения вспыхивали то на одном прииске, то на другом, не внося никакой существенной перемены в положение рабочих. Приисковые волнения были «...гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем б о р ь б о й»*, и практические результаты этого стихийного движения были ничтожны. Закабаленного рабочего все так же эксплуатировали, все так же неограниченна была власть приисковой администрации и полиции.

В 90-х годах Петербург и другие промышленные центры были охвачены широкой стачечной волной, имевшей большое политическое значение. На Ленских приисках, наоборот, это были годы затишья. Лишь изредка происходила какая-нибудь «маленькая неприятность», как говорил управляющий Ленским товариществом Таюрский. Рабочие на несколько часов бросали работу или немного шумели по поводу какой-нибудь слишком острой обиды. Но сколько-нибудь крупных столкновений не случалось.

На Лене в этот период происходили глубокие перемены. Золотая промышленность сильно выросла, значительно возросло количество рабочих, и коренным образом изменился их состав.

Несколько десятилетий каторжане и ссыльные составляли главную массу приисковых рабочих. По мере роста золотопромышленности каторжан и ссыльных стало не хватать. Промысловым управлениям приходилось вербовать рабочих на стороне. Специальные агенты ездили по деревням нанимать рабочих. Агенты знали, что работа на приисках тяжела, они выбирали людей здоровых и сильных, не старше сорока лет, давали им задатки в счет будущей работы, старались напоить и пьяному подsunуть договор с золотопромышленником. Уговаривая крестьян поехать на далекие золотые прииски, агенты для приманки рассказывали им всякие небылицы о «подъемном золоте». На золотых россыях, в золотоносных песках, золото обыкновенно очень мелкое. Добыть его можно только после промывки. Но изредка попадались довольно большие золотинки или даже крупные самородки, которые можно было видеть без промывки. Эти самородки рабочий имел право поднять и сдать промысло-

* Ленин, т. IV, стр. 384.

вому управлению за особую плату, значительно сниженную по сравнению с существовавшей ценой. Такое золото называлось подъемным. Если рабочему посчастливилось найти много подъемного золота или крупный самородок, он получал сразу большую сумму денег. Это была удача, «фарт», как говорили на приисках. Слухи о таких редких удачах разносились по всем приискам. Охотнее всего слухи о «фарте», большей частью сильно преувеличенные, распространяла приисковая администрация, рассчитывая, что надежда на удачу и богатство заставит рабочих безропотно выполнять самые тяжелые работы, выносить самое возмутительное обращение.

При помощи тех же рассказов о богатом подъемном золоте агенты заманивали рабочих на прииски и заставляли их соглашаться на кабальные условия. На приисках становилось все меньше ссылопоселенцев, все больше приехали рабочие из сибирских и центральных губерний. В 90-е годы была построена Сибирская железная дорога, которая «открывала Сибирь», связывала ее с Европейской Россией. Хотя от железной дороги до приисков оставалось до двух тысяч верст, все же они стали значительно доступнее. Теперь уж не приходилось рассылать вербовщиков во все концы России. Привлекаемые слухами о баснословных богатствах золотых приисков, устремлялись сюда тысячи крестьян из числа тех, кого капитализм заставлял «...бросать насиженные места и бродить по всей России в поисках за работой» *.

Наплыв рабочих не улучшил, а скорее ухудшил их положение. Попрежнему оставались в силе феодально-крепостнические методы эксплуатации. Но изменившийся состав рабочих на фоне обострившегося рабочего движения в стране внес некоторые перемены в приисковую жизнь. В конце XIX века нельзя было даже в Сибири сечь розгами рабочего за прогул или непослушание. Вместо платы натурой рабочим стали подсчитывать весь заработок в деньгах, хотя все припасы попрежнему приходилось по грабительским ценам покупать у промыслового управления. Ряд мелких перемен несколько ослабил феодально-крепостнический гнет на приисках, не изменив, однако, самого существа приисковых отношений.

Новый рабочий как бы нащупывал новые методы борьбы. Опыт Европейской России, откуда теперь приходили рабочие, подсказывал этот метод. Новой формой, в которую вылилась борьба ленских рабочих, была организованная забастовка.

1901—1904 годы были периодом массовых стачек на Лене. Новое столетие открылось забастовкой на Нижнем прииске Ленского золотопромышленного товарищества. Бастовало 1 700 че-

* Ленин, т. I, стр. 149.

ловек — все рабочие Нижнего прииска. 2 января рабочие не вышли на работу и в тот же день предъявили администрации, повидимому, заранее выработанные требования.

Промысловое управление сделало ряд уступок, но рабочие хотели добиться полного удовлетворения своих требований. На помощь предпринимателям пришли полиция и горный надзор. 8 января горный исправник и окружной инженер объехали казармы, убеждая рабочих кончить стачку. Затем они собрали рабочих и вместе с администрацией вели переговоры по поводу предъявленных требований. В результате большая часть требований была удовлетворена, и 9 января рабочие Нижнего прииска приступили к работе.

В тот же день, 9 января 1901 года, вспыхнула забастовка на Прокопьевском приiske. После длительных переговоров требования рабочих были частью удовлетворены. 16 января работы на Прокопьевском приiske возобновились.

Вслед за Нижним и Прокопьевским в 1901 году произошли однодневные забастовки в Феодосиевском и Бульбухтинском управлениях. В 1902 году была двухдневная забастовка на Ивановском приiske. В 1903 году произошла длительная и упорная, но неудачная забастовка на Весеннем приiske. Но особенно широкого размаха забастовочное движение достигло в 1904 году. В марте бастует Прокопьевский прииск, в апреле — Андреевский, тот самый, с которого началась забастовка 1912 года. В мае почти одновременно бастуют Феодосиевский, Весенний, Крутой и снова Андреевский прииски.

Каков характер всех этих забастовок, чего добиваются рабочие? «Самые условия жизни рабочих делают их способными к борьбе и толкают на борьбу», говорит Ленин. Это как нельзя более подтверждает борьба ленских рабочих. И в 1901 и в 1904 годах требования рабочих определяются непосредственными, конкретными условиями жизни и труда на Лене. На Прокопьевском и Весеннем приисках рабочие требуют повышения подневной и сдельной оплаты. Но это требование встречается не часто. Зато бастующие почти всегда требуют установления правильного подсчета выработки. Рабочие на Лене никогда не получали своего заработка полностью. Служащие обсчитывали рабочих самым бесцеремонным образом. Приисковые управления давали обещания выполнить требование бастующих и прекратить обсчитывание рабочих, но никогда этого не исполняли. И если прииск через два-три года снова бастует, рабочие вновь требуют правильного подсчета выработки. Заработная плата никогда не выдавалась на приисках целиком. Часть денег удерживалась в счет забора продуктов, часть оставалась за промысловым

* Ленин, т. XIV, стр. 372.

управлением до конца года. Если же рабочий оставался на следующий год, то и в конце года полный расчет не производился, а переносился опять к концу следующего года. На руки выдавалась самая незначительная сумма. В 1901 году рабочим выдавали деньгами не более 5 рублей в месяц, и это обстоятельство послужило одной из важнейших причин забастовок. Систематическая задержка заработной платы была очень выгодна для золотопромышленников, которые пускали деньги рабочих в оборот. Рабочих же, конечно, всегда возмущала эта добавочная эксплуатация. И во время забастовок они неизменно требовали увеличения ежемесячной выдачи наличными деньгами.

Постоянное недовольство рабочих вызывало также снабжение. Огромная трудность доставки продовольствия в глухие таежные места привела к тому, что хозяева оказались монопольными поставщиками припасов на прииски. Из снабжения рабочих промысловые управления извлекали дополнительную прибыль. Рабочих обмеривали и обвешивали, выдавали плохие продукты, а цены за них брали непомерно высокие. Зимой кроме хозяйского склада нигде было купить продуктов. Летом же на приисках появлялись торговцы. Они продавали продукты дешевле, но Ленское товарищество не желало отказываться от торговых барышей. В ответ на требование бастующих рабочих им разрешали покупать у торговцев те продукты, которых было заготовлено немного. Остальные же продукты — мясо и особенно хлеб — покупать на стороне ни в коем случае не разрешалось.

Помимо более или менее общих для всех приисков требований на каждом прииске были свои наболевшие нужды. На Весеннем прииске очень плохи казармы — рабочие требуют их исправления, на Бульбухтинском рабочие недовольны тем, что их заставляют вытаскивать большие камни из канавы, на Андреевском требуют установки второй печи для выпечки хлеба и т. д.

Все это — «...требования «минуты», требования маленьких и мелких реформ»*. Рабочие боролись за свои повседневные нужды, за насущные экономические интересы. И хотя систематические стачки на Лене представляли собой «...громадный прогресс по сравнению с «бунтами»** 70—80-х годов, ленские рабочие накануне 1905 года все же не были в передовых рядах русского пролетариата. В 1902—1903 годах в ряде крупных промышленных центров передовые рабочие проводили стачки и демонстрации ярко политического характера. В этом движении «пролетариат впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству»***. Ленские рабочие еще не подня-

* Ленин, т. II, стр. 538.

** Ленин, т. IV, стр. 384.

*** Ленин, т. VII, стр. 105—106.